

УДК 316.733

В.П. Козырьков

**ЭСТЕТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматриваются эстетизм как исторически позднее социальное явление, социальная феноменология современного российского эстетизма. Анализируется природа современной социальной реальности и эстетической социологии, эстетизм представлен как способ преодоления социальных антагонизмов.

Ключевые слова: эстетизм, информационное общество, эстетизация.

Еще раз о сути эстетизма. Предшествующие статьи по проблеме эстетизма [1-2] общества и социологии позволяют нам сделать некоторые выводы общего характера.

Важно подчеркнуть, что эстетический фактор давно уже вошел в арсенал естественной науки в качестве критерия определения истинности и завершенности теории в научном исследовании. В частности, определение «красота – критерий истины» стало общим местом. Что касается социальных наук в классический период их развития, то в качестве критерия истины в большей степени подчеркивался, кроме всех прочих, критерий гуманистической направленности открытых социальных истин, чем критерий эстетический.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась, и критерий эстетичности формы добываемых социальных знаний завоевывает доминирующий статус. Даже в большей степени, чем в естественных науках, поскольку социальное знание приобрело свою информационную форму, которая становится самооценностью в СМИ и массовых коммуникациях в целом. То есть в такой большой степени, что коммуникативная функция социального знания стала доминировать над функцией целеполагания как основы социальных действий. Точно так же, как в обществе, лидирующую позицию стали занимать коммуникации в противовес деятельности. Грубо говоря, общение вытеснило поступок, презентация – реальную жизнь, а в реальной жизни в качестве привилегированной сферы стала заявлять о себе не сфера труда, а сфера услуг. Не нужно объяснять, чем презентация отличается от реального поступка: в презентации доминирует эстетический фактор, в поступке – мораль. Следовательно, мы еще раз можем отметить, что, эстетизм характеризуется как раз вытеснением моральных норм нормами эстетическими, которые в сфере коммуникаций, услуг и презентаций играют решающую роль.

Попробуем разобраться в причинах такого явления, связывая этот анализ с характером развития социологии.

Существует ли информационное общество? Мы сейчас так часто и много говорим об информационном обществе, что заставили себя поверить в то, что такое общество существует. Нас утешает мысль, что возникает некий совершенно новый тип общества, в котором информация становится решающим фактором во всех социальных процессах. При этом информация оценивается как нечто более высокое по эффективности и значимости, чем все другие действующие факторы: техника, собственность, власть, способности человека, способ организации его деятельности и т.д. Информация видится как феномен, который пронизывает все общество, модифицирует все его другие причины и факторы и становится инструментом решения многих, казалось бы, нерешенных в прошлом проблем.

Хотя, строго говоря, выглядит такая позиция очень странно, поскольку сама по себе информация даже как самостоятельное явление существовать не может, а не то что определять характер и поведение других явлений и процессов. Для обоснования этой позиции при-

водится немало аргументов, начиная от банального утверждения, что «кто владеет информацией, тот владеет миром», заканчивая демонстрацией сверхмощных компьютеров, которые могут моделировать сверхсложные процессы.

Но разве это не так? Разве массовость всех происходящих процессов не является очевидным доказательством того, что они имеют объективный и необходимый характер? И не пытаемся ли мы оспорить очевидные факты, которые сейчас известны уже младенцам? Ведь мы действительно на каждом шагу видим множество компьютеров и массовую рекламу информационных технологий. Ведь если бы не было спроса на все это, то ничего этого не было бы.

Все это так. Но не впадаем ли мы в искушение объяснять общественные явления спросом людей? Иначе говоря, не попадаем ли мы на крючок той теории, которая и призвана пробуждать спрос? Между тем законы развития общественных процессов не тождественны законам спроса. Законы спроса и предложения есть законы рынка, то есть лишь одной из сфер экономики, а не общества в целом. И даже не экономики в целом, которая включает в себя процессы производства и распределения, а не только обмена и потребления. Кроме того, общество в целом как сверхсложная система содержит сферы, которые очень далеки от экономики или имеют иную природу, поэтому разрушаются под воздействием рыночных отношений.

Как показывает социальная практика, разрушаются они и под действием современных информационных технологий, предлагающих суррогаты художественных образов, симулякры религий, вульгаризированные формы общения, очень сомнительные средства развития гражданского общества и образования. Действительно, чем объяснить, что при тенденции к всеобщей «мобилизации» и компьютеризации формы демократического управления обществом все сужаются, а уровень образования населения все снижается? И разве это не существующая власть, больше озабоченная «вертикалью», власти, пропагандирует цифровые технологии связи институтов государства и населения, уходя от реального с ним общения? И разве это не нынешняя власть сокращает школьные программы, отсылая за знаниями в интернет?

Таким образом, общественная роль информации не может быть определена однозначно положительно. При всем многообразии работ по информационному обществу социологической теории информационного общества не существует. Это косвенно говорит о том, что никакого информационного общества, которое бы полностью детерминировалось информацией, нет. Увеличение роли и объема информации в жизни общества является лишь симптомом скрытых, внутренних процессов, которые на поверхности представляются как отношения на основе информации.

Давно известно: суть тех или иных явлений тогда для всех становится очевидной истиной, когда они достигают определенной стадии зрелости. В нашем случае тайна информационного общества стала для всех явью тогда, когда подключение к интернету стало носить массовый характер, а пользование мобильной связью – всеобщий. Теперь просьба «найти в интернете» никого уже не удивит, и мы видим уже не только достоинства общего доступа к глобальной базе информационных данных, но и его недостатки, выражающиеся в определенной утрате способности человека к самостоятельной выработке знаний. И теперь уже не нужно никому объяснять, что изменилось в способе коммуникации, когда каждый человек, от мала до велика, в любой момент может соединиться с кем хочет, испытывая, однако, от этой общей досягаемости для всех, опять-таки, определенный дискомфорт.

Таким образом, всем стало понятно, что каждый стал обладать такими информационными и коммуникационными ресурсами, которые стали для него избыточными. А всеобщая мобилизация перешла в новую стадию, на которой главной ценностью стала не содержание информации, а потребность ее передачи и получения. В этих условиях, когда явление переходит в собственную противоположность, и можно утверждать о зрелом их характере.

Наконец, информационные процессы стали «прихорашиваться». Возможно, что этот момент есть симптом того, что информатизация достигла определенного предела в развитии. На первых стадиях эстетизация имела мало значения.

Эстетизм как исторически позднее социальное явление

Эстетизм – это духовная компенсация нравственно, духовно, культурно несостоявшейся личности. Об эстетизме заговорили и заспорили тогда, когда действительные эстетические формы в жизни людей стали сужаться и снижаться по своему уровню. Ностальгией по ушедшим красочным и ярким временам, кажется, впервые заболели романтики. Хотя миф о «золотом веке» никогда не исчезал из культуры.

И все же «цветущая сложность» (К. Леонтьев), которая якобы господствовала в прошлом, покорила сознание В. Жуковского, Н. Гоголя, А. Герцена, К. Леонтьева, А. Блока, В. Розанова, Н. Бердяева, П. Флоренского и многих других русских писателей и философов XIX–XX веков.

Впрочем, в XX веке «зацвела» не только сложность, но и «простота», выразившись в еще более многообразных формах, чем сложность. Она породила целую культуру – массовую культуру, которая загнала сложность в *эстетическую резервацию* – элитарную культуру. И чем тусклее становилась социальная реальность, тем более активно развивалась идея о необходимости ее целенаправленной эстетизации в самых разных направлениях. Высокого напряжения и острой противоречивости движение к эстетизму возникло на рубеже XIX–XX веков, вызвав эпоху декаданса и, одновременно, возрождение и усиление эстетства милитаристского духа, поэтому, по словам М. Лифшица и Л. Рейнгарда немалому числу представителей эстетства первого типа пришлось стоять «на коленях перед эстетикой агрессивной художественной воли, способной навязать чужому сознанию любую команду» [3, 182]. Перед такой «эстетикой внушения», которая стала господствовать в XX веке, не устоит никакая другая эстетика.

Эстетство как исток эстетизма и форма оправдания

Эстетизм сам по себе, по своим истокам не страшен, – он не обидит и мухи. И все же эстетизм рождается в лоне эстетства, которое само по себе не только безобидно, но даже очень приятно, привлекательно и полезно. Но то же эстетство, в определенных исторических условиях из крошки Цахеса вырастает как на дрожжах и превращается в социального монстра, который все крушит на своем пути, находя своим действиям оправдание тем, что в общественном сознании представляет свои движения изящными или «крутыми». Тогда очень трудно устоять на его пути и сохранить субъектную самостоятельность. И тогда эстетизм уже находит свое постоянное и гарантированное оправдание тем, что в обществе вырабатывается идеология эстетизма. Собственно говоря, социальным монстрам уже не требуется оправдание, поскольку его действия считаются естественными и тем самым обреченно оправданными. Пусть попробует заяц не восхищаться движениями льва, особенно голодного!

Социальная безграничность и формы противостояния процессу тотальной эстетизации

Развитие эстетизации социальных отношений в XX веке показало, что этот процесс не имеет границ. Точно так же, как не может быть ограничений в применении обертки для того или иного товара: красивую, скрывающую содержание и даже соблазняющую упаковку можно найти для любой вещи. К тому же эстетизация так же не пахнет и так же социально универсальна, как и деньги. Поэтому в топку эстетизации бросается все: прошлое и будущее, идеи и вещи, люди и звери. Ее ненасытной пасти не избежали классические мифы, многоликое родное язычество, западная и восточная мистика, всевозможные игры, различный «экстрим» и многие другие элементы культуры, включая философию, науку и религию. Но все это духовное многообразие оставалось бы не горючим материалом, если бы оно щедро не «поливало» различными взрывчатыми веществами и смесями, которые производились революциями и реформами, войнами и конфликтами, эпидемиями и катастрофами, терактами и

репрессиями. И когда возникал завораживающий социальный пожар, то уже было невозможно разобрать, что тут горит, чем это все щедро поливается и кто поджигатель.

Тем более что эта новая историческая ситуация стала теоретически оправдываться и обосновываться различными социальными теориями общего и частного характера: «всеединства» и «софиологии», «постмодернизма» и «общества риска», «социальной мобильности» и «социального конфликта», «всеобщего благоденствия» и «конца истории» и др. Но сейчас уже смело можно рапортовать: общество «упоения в бою и бездны мрачной на краю», общество, которое воспел А. С. Пушкин в его исторической колыбели, в настоящее время полностью сложилось. Окончательно ли? Является ли тенденция к углублению эстетизации общества прогрессом или регрессом?

Западная цивилизация, двигаясь в сторону все большей эстетизации, получила вполне определенный и ясный ответ на этот вопрос: эстетизм, при последовательном и безграничном его развитии, приводит к социальной катастрофе. Разумеется, не сам по себе эстетизм, а то социальное содержание, что скрывается в этой художественной упаковке. Красивый лозунг конца XIX века, – «красота спасет мир», – приписываемый Ф. Достоевскому, но приобретший массовый характер, получил свое зловещее воплощение в идеологии и практике нацизма. Красота не спасла мир, а прикрыла образовавшуюся духовную пустоту. Как справедливо заметил М. М. Бахтин, «эстетизм, покрывающий пустоту, — вторая сторона кризисов» [4, 179]. Следовательно, красота спасла не мир, а тех, кто постоянно развязывает войну.

Эстетические идеи в массовой психологии приобретают более влиятельный характер и вытесняют традиционные моральные ценности. Поэтому «фашизм, – свидетельствовал В. Беньямин, – вполне последовательно приходит к эстетизации политической жизни» [5]. При чем эстетизация политики приводит к своим самым крайним формам, выраженным в массовом насилии. «Все усилия по эстетизации политики, – показывает Беньямин, – достигают высшей степени в одной точке. И этой точкой является война» [5]. Таким образом, эстетическая форма оказалась единственной из возможных духовных форм, которая не оказала «сопротивления» милитаристским тенденциям первой половины XX века. Эстетика войны – вот высшая и объективная форма развития эстетизма в современной культуре. Получение наслаждения от убийства и самоубийства, тотального уничтожения и самоуничтожения – вот мотивация этой эстетики.

Поэтому западной культурой второй половины XX века выработаны различные ограничения и формы противостояния экспансионизму принципа эстетизма. В частности, в борьбе против социализированного эстетизма получили свое развитие принципы гуманизма, были выработаны новые формы морали, получили развитие традиционные и созданы новые формы религиозной духовности.

Похоже, что Россия еще не осознала всей опасности социального эстетизма. И связано это с тем, что ей больше пришлось играть роль страдающей от эстетизма стороны и редко приходилось выступать в роли его субъекта. Теперь такой случай представился. Тем более, что вместо имперского монстра теперь на исторической арене действует более компактное и молодое государство, которое еще не испытало на себе всех своих возможностей и ему хочется поэкспериментировать на исторической арене, показать все свои «прелести». Поэтому 90-е годы в российской истории – это упоение эстетизмом во всех областях жизни: в экономике и политике, в области права и семьи, морали и религии, философии и литературе, музыке, коммуникации и других сферах публичного и частного характера.

Об эстетизме русской культуры

Особое значение идея эстетизма имеет для русского человека. Это хорошо было видно уже в творчестве Н. В. Гоголя, открывшего для общественного сознания феномен пошлости. Успех его произведений был вызван именно данным эпохальным открытием, тяжесть которого стала одной из причин его личной трагедии.

Против эстетизма всю жизнь боролся Л. Н. Толстой, отказываясь от своих художественных произведений и стремясь со всей возможной откровенностью и правдой обнажить

социальные язвы жизни, доходя в этом до кинического самоуничужения и христианского самораспятия. Однако и великий писатель не устоял против эстетизма жизни. Его последние произведения «Книга для чтения», «Путь жизни», «Закон насилия и закон любви» пронизаны идеей социального эстетизма. «Все бедствия и всего человечества и отдельных людей не бесполезны и ведут человечество, хотя и окольным путем, все к той же одной деятельности, которая предназначена людям: совершенствованию», – писал Толстой в 1908 г. Но категория «совершенствования» есть категория эстетическая.

Эстетизм в понимании природы человека и в оценке мотивов его поведения присущ и мировосприятию А. Чехова, утверждавшему, что «в человеке должно быть все прекрасно». Эстетизм босячества, социального дна и пролетарских низов развивал М. Горький. Религиозный вариант эстетизма, при всем разбросе мировоззренческих позиций, мы находим в творчестве П. Флоренского, С. Франка, Н. Лосского, И. Ильина, Н. Бердяева и других русских мыслителей. Например, произведения Д. Андреева «Роза мира» порождены эстетической идеей о новой форме духовности, в которой были бы органически слиты все формы религии, создавая некую «розу мира». В. В. Розанов эстетизм российской истории объяснял большим влиянием художественной литературы, обвиняя ее в апокалипсическом исходе для русского народа в 1917 г.

Важно еще одно обстоятельство: эстетизм русской культуры обусловлен уродливостью русской повседневной жизни, ее фатальной непредсказуемостью, неразрешимой противоречивостью под воздействием своего революционного (или бюрократически-реформаторского) эстетизма, претендующего на то, чтобы сделать жизнь народа прекрасной «во всех отношениях». В русской культуре эстетизацию получило то в культуре, что эстетизации, казалось бы, не подлежит: война, революция (Ленин, Троцкий, Сталин и др.), святые (В. Розанов и др.), любовь (В. Соловьев и др.), совесть (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.). Русский народ архиэстетичен, ибо морально неразвит и социально дик (А. Пушкин, И. Бунин, М. Горький и др.)

Сама русская жизнь постоянно «пишет» романы, в которых художественными героями выступают живые лица, а не вымышленные персонажи. Многие русские романы более реалистичны, чем сама жизнь, тяготеющая больше или к фантазмагориям, или к безбрежному эпизму.

Социальная феноменология современного российского эстетизма

Современный российский эстетизм приобрел столь многообразные социальные формы, что можно говорить о рождении новой культуры. Так, политический эстетизм присущ тоталитарной идеологии, в том числе идеологии большевизма. Коммунистический идеал гипнотизирует людскую массу тем, что художественно привлекателен и прекрасен. Он прекрасен тем, что идеально преодолевает уродливые и низменные формы жизни в существующей социальной реальности.

Идеи ускоренной перестройки СССР за считанные годы, безусловно, эстетические, так как произвели впечатление на людей своей социальной экспрессией, вызвали восхищение простотой формы, но, как и любые эстетические утопии, привели общество к трагическому исходу: к войнам, к обвальному спаду производства, к разрушению многообразных социальных связей. Вот здесь-то мы и видим всю деструктивность эстетизма, приведшего жизнь к такой «цветущей сложности», о которой не мечтал и К. Леонтьев, ставший одним из первых теоретиков эстетизма русской жизни.

Политические выборы в современной, постсоветской России проводятся на основе эстетических критериев: нравится – не нравится, симпатичный – не симпатичный, красивый – уродливый и т. д. Эстетизм мышления в политической жизни стал чем-то привычным и бесспорным, вытеснив трезвый реализм и практический расчет. Эстетизм мышления узаконился и в социальной науке, свив себе гнездо в виде полипарадигмальности познания, эклектизма и нарративизма. Многообразие всегда красиво. Точно так же, как павлиний хвост живописнее хвоста сороки.

Эстетизация мысли и преодоление эстетизации

Не эстетизированная мысль питается состраданием к людям, сопереживанием боли других людей и соучастием в их заботах. Поэтому для преодоления эстетизированности философии нужно чаще обращаться к социологии. Философия как «мышление вслух» есть ее эстетизация. Философия с вопросом «заботишься ли ты о себе?», с которым бродил по улицам Сократ, есть живая философия, лишенная эстетизма. Но этот источник философской мысли требует от человека ежедневного и предельно внимательного наблюдения за тем, что происходит в жизни и как люди ведут себя: как они одеваются; как выражают свои чувства; какие слова подбирают в разговоре друг с другом; что они едят и как это делают; что выражают их глаза и каков цвет лица; как они ходят, сидят, бегают, передвигаются на транспорте и двигаются другими способами; как они учатся, работают, отдыхают и занимаются другими видами жизнедеятельности и т. д. Только погрузившись в эту глубину и прозу повседневной жизни, можно найти тот смысл, который существует реально, а не создается идеологами в виде очередного «нового мифа» или новой и красивой социальной утопии.

Этот смысл можно уловить в глазах случайного попутчика в автобусе или даже в повадках уличной собаки. В том числе и тот смысл, который порождается культурой эстетизма. Покажем это на трех примерах.

Первый пример. Небольшая собачонка деловито бежала к мусорному баку, но остановилась метров за 5, несколько раз понюхала воздух, ничего интересного не нашла и побежала дальше. С такой же деловитостью к этому баку подходит бомж, но не нюхает воздух за 5 метров, а сразу опрокидывает голову в мусорную кучу, роется в ней палочкой, находит то, что ищет и также деловито уходит. Собака выглядит чище (не роется во всех мусорных баках, а вначале их обнюхивает издали) и благороднее (уступила место человеку). Человек выглядит грязнее, и ведет себя низко, не подпуская к мусору собаку, когда роется сам.

Второй пример. Всю жизнь слышу лозунг: «Красота спасет мир!» Может быть. Привожу пример: на углу улицы стоит нищенка. Мимо проходят толпы людей. Остановиваются и подают только незаметные, прямо скажем, – не красивые люди. Красивые в ее сторону не смотрят, так как даже воображаемое присутствие себя рядом с нищенкой вызывает у них отвращение. Даже Н. В. Гоголь как-то в одном из своих писем признавался, что он, конечно, христианин и гуманист, но ему никак не удается подать руку нищему и грязному человеку. Следовательно, нищего спасает не красота, а доброта. Красота не спасает, а завораживает мир, делая его бесчувственным к страданиям и боли. Может быть, красота и спасет мир, но в нем не останется людей.

Третий пример. Если оценить современное общественное бытие эстетически, то представляется отвратительная по своему виду картина: молодящаяся и разбитная старушка, имея большой капитал, завлекла молодого, но слабовольного и запутавшегося в жизни молодого человека в свои любовные сети. Она ничего ему дать не в состоянии, кроме откровенных улыбок, нескромных обещаний и прочих уловок опытной кокетки. Поэтому сцена обольщения не может продолжаться долго. Она будет длиться ровно столько, сколько понадобится молодому человеку для того, что понять, с кем он имеет дело и что его впереди ничего не ждет, кроме унижения. Поэтому я не удивлюсь, что эта ловкая политическая старушка бросит неопытного молодого человека раньше, чем он проснется от исторического сна. Мое сравнение столь же грубо, сколь вульгарна описываемая современная социальная ситуация: завлекла – и бросила. Благо на Западе есть крупные «стабилизационные фонды». Был он недавно и у нас, но созданный за счет обнищания народа.

Эстетизация истории

В последнее время все чаще заходит разговор о варваризации или одичании истории.

Если историю довести до «конца», если лишить ее смысла, направленности, заданной прошлым, то, конечно, происходит ее эстетизация.

Эстетизация истории является одним из фундаментальных истоков профанации общественной жизни. При этом сам процесс эстетизации осуществляется в двух направлениях.

Во-первых, в любой текст вводится историческая тема, которая, по замыслу авторов, должна придать достоверность и глубину эстетическому содержанию. Казалось бы, обращение к истории действительно углубляет содержание произведения, но только в том случае, когда история берется в ее реальном виде, *реконструкцией* которой занимается историческая наука. Между тем в современной литературе и в различных других дискурсах история *конструируется* автором, который стремится не к адекватному познанию истории, а историческому подобию в отдельных фрагментах, предоставляя весь остальной текст воле воображения. Такой фрагментарный, постмодернистский историзм сейчас используется не только в бульварной литературе, в телесериалах, в голливудских исторических фильмах, но также в рекламе, доводящей процесс эстетизации истории до своего наиболее крайнего, вульгарного вида.

Во-вторых, исторический материал модернизируется и эстетизируется в историко-идеологических текстах. Эстетическая форма в этом случае придает видимость глубины там и тому, где ее нет. Но при ближайшем рассмотрении, как только спадает эстетическая пелена с социального бытия, научная картина мира вытесняется мистическими построениями, а воинствующий сциентизм сливается с новыми формами прагматической рациональности, в которых логические законы нисколько не мешают существованию иррациональных элементов сознания, так как они попадают под защиту эстетической формы и мистических настроений. Так, эстетизация дополняется и сопровождается вульгаризацией в создании, оценке и понимании общественных явлений и процессов.

Таким образом, эстетизация истории, осуществляясь с двух сторон и постоянно переключаясь, дискредитирует как историческую науку, так и социологию. А вместе с социальной наукой снижаются и дискредитируются в обществе художественные формы познания мира. Внешне такая эстетизированная и, одновременно, историзированная форма духовности выглядит неким «крутым» коктейлем, употребление которого требует крепкого физического и психического здоровья. Но, тем не менее, данный «напиток», как некогда древняя синкретичная духовность, каким-то образом воспроизводит духовную целостность человека, хотя часто только в ее элементарных формах, постоянно возвращая человека в его автохтонное социокультурное состояние, что и выступает питательной почвой пошлости. Поэтому и появляется «современная мифология», возникает тяга к различным «альтернативным», ненаучным формам познания, интерес к своей генеалогической крови, цвет которой, якобы, может избавить от пошлости. Наступает период архаизации культуры, которая, в свою очередь, вызывает эстетизм.

Прошлое всегда более эстетично, чем настоящее, поскольку человек находит в прошлом часто только то, что привлекательно для него, отбрасывая горькие истины и уродливые картины.

Природа современной социальной реальности и эстетической социологии. Еще раз отметим, что сейчас складывается новый тип общественных отношений, в понимании природы которого оказываются якобы посрамленными как идеалисты, так и материалисты, поскольку социальная реальность, а вместе с ней реальность эстетическая приобрели объектно-субъектную природу. Но в такой оценке новой реальности скрыто внутреннее противоречие. На самом деле ни субъект, ни объект не имеют действительного характера: они оказываются сконструированными с использованием воображения. Конструируются различные формы отношений: этнические, политические, гендерные и др. [6-8].

На первое место выходит информация, характер которой часто имеет мало отношения к рационализированным формам и методам познания. Поэтому было бы крайне ошибочным отождествление понятий «информационное общество» и «общество знания». Информация может иметь значение и циркулировать в системе коммуникаций, не обладая истинным характером. Между тем как знание ориентировано на истину, на достоверность, на объективность. Для информации достаточно лишь *правдивости* и способности приводить к определенному социальному *эффекту*. Важно выяснить не что такое истина и в чем она состоит, а

что *считается* истиной и какую он имеет *ценность*. По сути дела мы сейчас наблюдаем, как информатизация общества по своей сути становится содержанием процесса эстетизации, его внешней социальной оболочкой, которая претендует на бесспорную содержательность лишь потому, что это информация, а не что-либо иное.

Но все это приводит нас к выводу, что складывается новый социологос, в котором решающей причиной событий и явлений становится эстетический фактор в его различных модификациях: исторических и актуальных, элитарных и массовых, профессиональных и любительских, классических и прикладных и т. д. Эстетизация настолько влиятельна, что даже время воспринимается в эстетических формах: повседневная игра с возрастом, операции омоложения, совмещение исторических эпох и др. [9].

Еще раз подчеркнем, чтобы избежать недоразумения, эстетические отношения не имеют субстанциональности. В эстетизированных отношениях они приобретают субстанциональность, но сконструированную, которую Б. Андерсон называет воображаемой, а Ж. Бодрийяр – симулякром. И как только это происходит, так воображаемая реальность начинает существовать как очень активный фактор в социальных отношениях, поскольку для подтверждения своего существования эстетизированному обществу постоянно приходится проявлять активность в эстетическом направлении на порядок выше, чем обычной, естественно сформировавшейся социальной реальности.

Но если это так, если социальная реальность радикально изменяет свой характер, то социология тоже изменяет свою природу, поскольку она не только исследует новую социальную реальность, но и сама является частью ее.

Во-первых, она становится наукой об эстетизированных общественных явлениях и отношениях, поэтому ее можно было бы назвать «эстетической социологией» [10, 279]. Имеется в виду не социология искусства, как это можно подумать, а социология в ее целом и общем виде. Точно так же, как существует экономическая социология, под которой надо иметь в виду не социологию экономики, в которой экономика рассматривается как объект, а социология видится как субъект, который бросает свое благосклонное внимание с объекта на объект в зависимости от собственного желания. Думается, что экономическая социология есть та форма социологии, которую она приобретает в настоящее время, если игнорируются все социокультурные факторы и отношения. То есть на заре новорусского капитализма. Исторически мы сейчас возвращаемся к временам А. Смита и Д. Рикардо.

Во-вторых, социология эстетизируется, подчиняясь не только внешне, но и внутренне логике эстетического сознания. Социология настолько эстетизируется, что утрачивает свою способность быть формой рационального познания мира и превращается в такой дискурс, который только условно можно назвать социологией.

В-третьих, в конечном счете, делается вывод, что никакая социология в современном обществе уже невозможна. Если даже она и существует, то лишь по социальной инерции, а в действительности такая форма сознания становится лишь одним из элементов структуры эстетического сознания и эстетизированных общественных отношений. В массовом сознании этот вывод подкрепляется тем, что создан шаржированный образ социолога, а политические структуры используют социологическое знание лишь для улучшения своего имиджа и повышения своего рейтинга.

Социология, как одна из высших форм рациональности, превращается в продукт иррационального творчества, в котором больше ценятся «плотные нарративы», «интерпретации», «воображение» и другие формы эстетического отношения к действительности.

Эстетическое как современная форма социальности. Таким образом, новое требование современной культуры в первую очередь предъявлено личности, которая должна полностью раскрыться, самореализоваться и воплотиться в мире, несмотря ни на какие существующие преграды. Эстетически прославиться стало не только легче, а просто *необходимо* для того, чтобы жизнь состоялась и считалась успешной. Следовательно, *эстетика стала формой этики*. И пророчески правым оказался М. М. Бахтин, считая, что «проблема души

методологически есть проблема эстетики». Поэтому в основе своей современный процесс эстетизации есть процесс реализации стремящейся к свободе индивидуальности. Такой процесс, который начинает протекать не по социальным законам, а по «законам красоты», по законам художественного развития. Говоря словами Гегеля, возникает эпоха «приятного стиля», «стремления к эффекту» [11, 12]. В этой гегелевской формулировке мы без труда узнаем те социальные процессы, которые протекают на наших глазах, когда явление «призывает к себе публику и пытается установить с ней связь лишь способом изображения» (11, 12]. Следовательно, уже Гегелем была выражена ситуация, в которой эстетические категории начинают играть роль социальной взаимосвязи. То, что во времена Гете и Гегеля существовало лишь как историческая предпосылка, в настоящее время является одним из универсальных оснований новой культуры.

Антагонизмы современного эстетизма и новые истоки эстетизация социологии.

Вернемся снова к проблеме эстетизма. На данном этапе анализа нам важно подчеркнуть, что современный эстетизм имеет более сложную природу, и сейчас можно только удивляться социальной невинности эстетизма времен Шиллера и Гете, Канта и Гегеля, Гоголя и Белинского, Леонтьева и Ницше.

Казалось бы, тотальная эстетизация общества, которую мы сейчас наблюдаем, есть явление настолько новое и неожиданное, что никаких исторических корней у него быть не может. Как мы уже отмечали, О. Конт даже во времена расцвета романтизма не считал необходимым рассматривать эстетизированные социальные явления. Но этот пробел в социологии Конта был компенсирован одним из представителей романтизма, Ж. де Сталь, создавшей задолго до Конта трактат по социологии искусства. Ей было написано большое сочинение, в котором рассматривается, «какое влияние оказывает религия, нравы и законы на литературу, а литература — на религию, нравы и законы» [12, 66]. Эта большая работа важна не только для изучения истории литературы, но для понимания истоков социологии, которые кроются не только в осмыслении экономических и социальных проблем того времени, но и духовных, эстетических в том числе. Следует согласиться с мнением автора вступительной статьи к цитированному трактату, А.А. Аникста, что Ж. де Сталь «можно назвать основоположником социологии литературы».

Эстетизм в современном обществе настолько многообразен и противоречив, а его социальное значение настолько весомо, что не обращать на него внимания со стороны социальной науки уже невозможно. Поэтому философия и социология искусства из академических и сугубо профессиональных дисциплин перешли в разряд публицистики, а исследования эстетически выраженных форм социальной жизни, к которым относится и телевидение с интернетом, имеют не столько художественное значение, сколько политическое и коммерческое. В частности, эстетизм оказался «замешанным» в страшных социальных катастрофах XX века, включая нацистскую чуму и сталинские концлагеря, и стал весьма прибыльным занятием в области рекламы, дизайна, PR, маркетинга и других современных социальных технологий «соблазна» [13]. Возникновение телевидения, а затем и интернета только усилило значение эстетического фактора, поставив его в центр коммуникационных технологий, освобождающихся от этических параметров. Социальные взаимосвязи, не получив своих адекватных моральных средств развития, начинают развиваться в иной форме.

Наиболее активной из этих форм становится эстетическая форма, вытесняя религиозную и правовую. Религиозная форма социальной взаимосвязи не сдается, но при этом приобретает эстетизированную форму. И право остается, но тоже эстетизируется. Для права стало важнее произвести *эффект*, чем выразить идею *справедливости*. Работа суда присяжных, демонстрация заседаний судов на ТВ, дискуссия обвинителя и адвоката на суде – все это формы эстетизации права. Виртуальное пространство, о котором сейчас так много разговоров, по сути дела есть ценностное пространство эстетического характера [14-16]. Наконец, культура постмодернизма, развитие которой сейчас происходит на наших глазах, есть вершина развития эстетизма и его доминирования в общественных процессах.

И все же, несмотря на глубокое различие форм эстетизма двух эпох, приведенные оценки Гете и Гегеля справедливы не только для эпохи расцвета культуры романтизма, в которой стали доминировать игра и утонченный вкус. Объясняется это тем, что лишь какое-то время в XIX и XX веках прославиться в науке стало легче, чем в эстетике. Век господства науки как культурной ценности продолжался недолго. Правда, этого времени хватило на то, чтобы создать новые исторические предпосылки для нового этапа в развитии эстетических потенций культуры. Следовательно, наука тоже попала под очарование эстетизма, который использовал против своего конкурента в борьбе за умы и души людей испытанный прием: наука была обвинена в антигуманизме. Это привело к тому, что наука была вынуждена создавать свою этику, подчиняясь процессу профессионализации морали. Но как только мораль приобретает относительную форму, так появляются новые истоки и возможности эстетизма.

Несмотря на временное отступление победного шествия разума, идеи научного и технического прогресса все же не были совсем оттеснены в сторону. Однако современные молодые люди могут даже не поверить, что совсем недавно общество верило во всемогущество науки. Затем его стали пугать «сциентизмом» и скорым наступлением эпохи экспертократии и технократизма. Возник активный диалог о «двух культурах» (Ч. Сноу), который постепенно сошел на распространение устрашающих идей глобальных катастроф и «конца истории» (Ф. Фукуяма). Однако в последние два десятилетия, когда наука «согласилась» перейти в свою неклассическую стадию, а искусство – в стадию постмодернизма, ситуация радикально изменилась и снова все вернулось в исходную позицию, о которой нам двести лет назад поведали Шиллер и Гете, Кант и Гегель.

Итак, славное время для ученых было скоротечным. Сейчас в эстетике снова стало легче прославиться, чем в науке и морали. Правда, больше в практической эстетике, чем в ее теоретическом выражении. Да и на практике уровень эстетизации всех отношений человека очень и очень далек от того уровня, который был достигнут благодаря воздействию идей и образов «Фауста», музыки Бетховена и сказок Гофмана. Практическая эстетика приобрела технологический характер, но в качестве духовного основания этих технологий часто выступают иррациональные формы, а не диалектически утонченные конструкции Гегеля. Вся культура оказалась покрытой серым маревом масс-продукции, в нагромождении которой, создаваемом мощнейшими СМИ, трудно отыскать светлое и гуманистическое содержание искусства, а красоте потребовалось оправдание [17]. Идея единства морали и эстетики, подчиненного принципу «эстетической совести», которую развивал Виндельбанд, не нашла поддержки [18, 232].

Этика в этой ситуации оказалась в еще более «неудобном» положении, чем двести лет назад. Во-первых, в обществе функционирует множество исторически выработанных моральных систем, конкурирующих между собой, что, казалось бы, позволяет говорить о развитии морального сознания, но в действительности многообразие моральных кодексов ведет к эстетизации морали, начиная от гедонизма, эвдемонизма, утилитаризма, этики ненасилия и заканчивая этикой «благоговения перед жизнью». Доминирующими категориями морали становятся не добро и ответственность, а выбор и удовольствие. Даже удовольствие от выбора определенных моральных кодексов. Как итог развития этой тенденции – сложилась культура, которую П. Сорокин обозначил чувствительной.

Во-вторых, исчезновение доминирования моральных ценностей общего характера привело к возникновению отраслевых и даже индивидуальных моральных заповедей, что заставляет делать вывод об отмирании морали вообще как особого социального института. Действительно, любой неблагоприятный поступок всегда можно оправдать нормами профессионального кодекса, в который предусмотрительно вписываются все возможные моральные нарушения, но лишь только для того, чтобы уметь обойти их.

В-третьих, если моральные ценности и не отмирают вообще, то приобретают относительный, «текущий» характер, трансформируясь под напором все более жестких и активных

исторических факторов. «В чести» сейчас оказались не физики и не лирики, не истина и не красота, не доброта и не справедливость. Наступила эпоха, когда «короткое время нравится все», и больше всего нравятся «короткие деньги». Поэтому начинается не господство эстетики в ее классической форме, а господство *тотальной эстетизации*. Такого процесса, в котором каждое из явлений наделяется равным со всеми правом быть в полной мере *выраженным в мире*, независимо от общих моральных ограничений, если даже они существуют. И высшим уравнивателем в утверждении этого права стали деньги.

В-четвертых, в моральном сознании началось доминирование идеи «морального выбора», которая только по видимости апеллирует к разуму человека, а на самом деле подчеркивает ситуацию случайности.

Эстетизм как способ преодоления социальных антагонизмов. Таким образом, для человека, переболевшего XX веком, достаточно очевидно, что эстетизм становится доминирующей идеологией тогда, когда в обществе существует гигантский социальный разрыв между бедностью и богатством, между имущими и неимущими классами, властью и народом. Так было всегда, в том числе и в нацистской Германии и в сталинском СССР. Поэтому вполне естественно поднимать проблему эстетизма в современной России, в которой, по последним статистическим и социологическим данным, богатые богаче бедных в 17 и более раз (в Москве аж в 50 раз!). Фантастически несправедливое распределение собственности удивило даже западных наблюдателей, показывающих нам, как Москва стала самой густонаселенной столицей долларовых миллиардеров, и как российские концерны с помощью государства задушили весь российский малый бизнес. Такое ощущение, что возвращаются советские времена, когда народу не разрешалось ни производить, ни торговать. Но тогда это делалось государством, а сейчас – монополиями, но результат один и тот же. О росте авторитаризма в России и сокращении демократических свобод сейчас не говорит только тот, кому нет никакого дела до политики.

Причем социальный разрыв с каждым годом увеличивается, заставляя общество изобретать все новые средства и механизмы эстетизации в двух направлениях.

Во-первых, заставляя социальную элиту искать новые средства развлечения, получения острых ощущений и завораживающих ландшафтов. Искать технологии легитимации и возвеличения собственных успехов, позволяющих выступать в качестве элиты. Искать социальные технологии, которые могли бы создать красивые имиджи, прикрывающие растущее социальное безобразие.

Во-вторых, вынуждает социальные низы искать средства духовного примирения со своим положением, средства, которые позволяли бы сохранить собственное достоинство и как-то скрасили положение «униженных и оскорбленных». Невольно возрождаются не только персонажи и образы художественных миров Ф. Достоевского, но и рекомендации А. Шопенгауэра об утешении шедеврами искусства и созерцанием страданий других. При всеобщей социальной маргинализации сознание человека не может всю эту «цветущую сложность» объяснить рационально и осваивает только религиозно или эстетически. СМИ взахлеб поглощают и лихорадочно тиражируют многообразную продукцию этого маргинализованного общества.

Букет эстетизма получается удивительно благоуханный. История ничего подобного давно уже не порождала и ее обоняние отвыкло от таких щедрых подарочных жестов, который сделала Россия на рубеже тысячелетий. Человечество до сих пор находится в состоянии шока от распада СССР и его многолетних последствий, которые шлейфом окутали всю планету и не видно еще конца этого распада. Этот шок привел к тому, что мысль заметалась в поисках личного объяснения происходящего, но, ничего не найдя, успокоилось на спасительном эстетизме. Как утверждал еще Т. Адорно, «ложное общественное сознание в рамках программного эстетизма выражается в пронзительности тона, который наказывает эстетизм ложью» [19, 358]. Причем, наказывает ложью как эстетизм первого, элитного типа, так и эстетизм социального

дна. Пронзительность тона посещает не только публичные сферы жизни, но и частные, выражаясь то в новой военной истерии, то в очередной сексуальной революции.

Таким образом, проблема не в том, что происходит идеологическая эстетизация социальной реальности, а в том, что процесс эстетизации приобрел антагонистическую направленность и сугубо мрачный по прогнозируемым результатам характер. И можно только удивляться цинизму социальной элиты, которая своим поведением непрерывно демонстрирует, как прекрасно быть богатым и здоровым, призывая к этому униженную часть населения. Создавая для этого кредитные банки, игровые автоматы, финансовые «пирамиды», запрещая пить и курить и призывая заниматься физкультурой. Но забывая при этом, что обращение с такими призывами к маргинализованному обществу, количественные параметры которого мы уже привели, можно назвать только социальным лицемерием. Но это и глубочайший эстетизм, поскольку нужно иметь извращенно-развитое и художественно-утонченное воображение, чтобы представить себе, что вся многомиллионная российская армия сырых и убогих тут же откликнется на эти призывы и стройными рядами выйдет на улицу заниматься оздоровительной гимнастикой, бросив наркотики, пить, курить, заниматься проституцией и совершать преступления.

Библиографический список

1. **Козырьков, В.П.** Генезис эстетизации общества и социологии / В.П. Козырьков // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия "Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии". 2010. №1. С. 6-15.
2. **Козырьков, В.П.** Социокультурная трансформация эстетизма в становлении информационного общества / В.П. Козырьков // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2010. №2 (82). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2010. С. 6–16.
3. **Лифшиц, М.** Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт / М. Лифшиц, Л. Рейнгард. - М.: Искусство, 1968. – 230 с.
4. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. - М.: Искусство, 1986. – 445 с.
5. **Беньямин, В.** Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // <http://www.out-line.ru/ben.html>
6. **Андерсон, Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
7. **Здравомыслова, Е.А.** Социальное конструирование гендера / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // <http://www.nir.ru/sj/sj/34-zdrav.htm>
8. **Ясавеев, И.Г.** Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 200 с.
9. **Хапаева, Д.** Готическое общество: морфология кошмара / Д. Хапаева. – М.: НЛЮ, 2008. – 151 с.
10. **Дюркгейм, Э.** Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М: Канон, 1995. – 352 с.
11. **Гегель, Г.В.Ф.** Лекции по эстетике. Т. 2. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: СПб.: Наука, 2007. – 604 с.
12. **Сталь, Ж. де.** О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями / Ж. де Сталь. - М.: Искусство, 1989. – 476 с.
13. **Бодрийяр, Ж.** Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
14. **Козырьков, В.П.** Антропология в системе интернеткоммуникации / В.П. Козырьков // Вестн ННГУ. Сер. "Социальные науки". Вып. 1 (4). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – С. 269-278;
15. **Козырьков, В.П.** Новые социально-онтологические аспекты коммуникации в развитии образовательной субкультуры / В.П. Козырьков // Вестн. ННГУ «Инновации в образовании». Вып. 1 (6). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 232–244;
16. **Козырьков, В.** «Тройное дно» интернетзнания / В.П. Козырьков // <http://club.fom.ru/entry.html?entry=1883>.

17. **Шатунова, Т.М.** Социальный смысл онтологии эстетического (опыт оправдания красотой) / Т.М. Шатунова. Казань: Изд-во КГУ, 2008.
18. **Виндельбанд, В.** Философия культуры. Избранное / В. Виндельбанд. – М.: ИНИОН, 1994. – 350 с.
19. **Адорно, Т.** Эстетическая теория / Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.

*Дата поступления
в редакцию 22.04.2011*

V.P. Kozirkov

AESTHETICIZATION AS A WAY OF EXISTENCE OF THE INFORMATION SOCIETY

The aestheticism as historically later social phenomenon, social phenomenology of the modern Russian aestheticism. The nature of contemporary social reality and aesthetic sociology, aestheticism is presented as a way of overcoming the social antagonisms.

Key words: aestheticism, information society.